

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-9-22

НЭП КАК АНТИКРИЗИСНАЯ ПОЛИТИКА

Орлов И. Б.*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление причин и факторов трансформации новой экономической политики из антикризисной модели в кризисную.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ основных экономических и финансовых кризисов 1920-х гг. с позиций восстановительной модели экономического развития. При проведении исследования применены факторный анализ и компаративистский метод.

Результаты. По итогам исследования автором сделан вывод о том, что кризисы периода нэпа имели структурный характер.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в понимание причин свертывания нэпа. Автору удалось показать взаимосвязь объективных и субъективных факторов при введении, функционировании и свертывании новой экономической политики.

Ключевые слова: новая экономическая политика, кризисы, рынок, настроения реванша, восстановительная модель, мобилизация

NEP AS AN ANTI-CRISIS POLICY

I. Orlov*National Research University Higher School of Economics
11 Pokrovsky bul'var, Moscow 109028, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the causes and factors of the transformation of the New Economic Policy (NEP) from an anti-crisis model to a crisis one.

Methodology. The main content of the study includes the analysis of the main economic and financial crises of the 1920s from the standpoint of the recovery model of economic development. The research was conducted using factor analysis and the comparative method.

Results. The crises of the NEP period prove to have a structural character.

Research implications. The findings contribute to the understanding of the causes of the NEP curtailment. The research shows the relationship between the objective and subjective factors in the introduction, functioning and curtailment of the NEP.

Keywords: New Economic Policy, NEP, crises, market, revanche sentiment, recovery model, mobilization

Введение

Современные исследования нэпа органично вписываются в ключевые проблемные области постсоветской историографии. Но виден и определённый историографический поворот в исследовании нэповской проблематики. С середины 2000-х гг. изучение экономических и политических аспектов всё больше заменяется исследованиями в области бытовых практик, повседневной истории и массового сознания. Снижение удельного веса работ общесоюзного масштаба сопровождалось резким ростом региональных исследований и складыванием ряда региональных школ «нэповедения» [30]. Одновременно снизился интерес к историографическим работам по проблематике нэпа. Современные историографические исследования по большей части посвящены региональным сюжетам и отдельным аспектам новой экономической политики. Попытки переосмыслить итоги изучения нэпа в 2000–2010-е гг. имели единичный характер [28; 31; 40].

Для современного этапа нэповской историографии, при всём тематическом разнообразии, характерен довольно слабый интерес к изучению собственно нэповской модели. На сегодняшний день лишь частично сохраняется разделение исследователей в объяснении причин свёртывания нэпа на «субъективистов» и «объективистов» (или «оптимистов» и «пессимистов»). Если для первых решающее значение имели волевые действия сталинского руководства, то их противники считают, что слом нэпа был неизбежным из-за нарастания к концу десятилетия непреодолимых внутренних противоречий и, прежде всего, отсутствия политических реформ. Но мейнстрим современных исследований завершающей стадии нэпа лежит в «умеренно-оптимистическом» русле. Это проявляется, с одной стороны, в признании факта обострения противоречий по мере выдвижения на первый план задач мо-

дернизации экономики страны. С другой стороны, ущербность рынка с самого начала позволяла принимать экономические решения политическим путём.

Исходя из этого, автор статьи ставит своей целью выявление причин и факторов трансформации новой экономической политики из антикризисной модели в кризисную. Это подразумевает решение ряда задач:

- показ сложности и противоречивости процесса формирования нэповской политики;
- изучения основных экономических и финансовых кризисов 1920-х гг.;
- выявление их связи с социальными и политическими кризисами;
- определение влияния итогов кризисов на свёртывание нэпа.

В рамках методологии институционализма при проведении исследования использованы факторный анализ и компаративистский метод, позволяющие уловить общий тренд развития новой экономической политики от антикризисной к кризисной модели.

Нэп – программа выхода из тотального кризиса власти

При всех историографических разногласиях относительно сущности и итогов новой экономической политики не вызывает сомнений, что по окончании Гражданской войны страна оказалась в глубоком политическом, экономическом и социальном кризисе. К 1921 г. на оставшихся от империи территориях сельскохозяйственное производство сократилось почти наполовину, а промышленное, по разным данным, в 5–7 раз. Не хватало предметов самой первой необходимости, но особенно сильно пострадала тяжёлая индустрия: в сравнении с 1913 г. валовая продукция металлообработки и машиностроения составляла 7,4%, производство чугуна – 2,5–3%, а добыча железных руд – 1,7%. Нараставший с конца 1920 г. топливный кризис в январе 1921 г. при-

вёл к остановке движения на ряде железнодорожных направлений и закрытию многих крупных машиностроительных и металлургических заводов. С конца февраля начались антиправительственные волнения в столице, а к весне забастовки охватили многие города республики. Протесты, наряду с быстрыми темпами деклассирования пролетариата, лишали «диктатуру рабочего класса» социальной основы.

Крестьяне на продразвёрстку и дефицит промышленных товаров ответили сокращением посевных площадей (на 35–60% по разным регионам) и возвращением к натуральному хозяйству. Вооружённые крестьянские восстания на Тамбовщине, Украине, Дону и Кубани, в Поволжье и Сибири (около 140 тыс. выступлений весной 1921 г.) поставили большевистское руководство перед необходимостью признать неизбежность поворота в экономической политике. Последней каплей стало Кронштадтское восстание, когда против большевиков выступили бывшие до этого оплотом режима матросы Балтийского флота и крепости. Таким образом, нэп можно рассматривать как своеобразную реакцию партийного руководства на угрозу утраты власти [6, с. 29; 13, с. 121; 26, с. 22].

При этом, несмотря на то, что в октябре 1921 г. на московской партийной конференции Ленин утверждал, что партия приняла нэп «совершенно единогласно», по мнению хорошо информированного заместителя главного редактора «Торгово-промышленной газеты» Н. Валентинова, никакого единодушия при принятии нэпа в РКП(б) не было. По словам члена коллегии наркомпрода А. И. Свицерского, в высших эшелонах власти с Лениным полностью согласны были только Л. Б. Красин и А. Д. Цурюпа, а все остальные молчали или сопротивлялись. На одном из заседаний Ленин даже угрожал подать в отставку с постов председателя Совнаркома и члена Политбюро [5, с. 26–28]. Л. Троцкий свидетельствовал, что

«перед введением нэпа и в первый период его у многих из нас было немало разговоров с Лениным о термидоре. Самое слово это было у нас в большом ходу»¹. По мнению А. Хаммера, сопротивление нэпу было столь велико, что если бы эту программу предложил другой лидер, его бы расстреляли². Споры в руководстве партии не прекратились и после решений X съезда партии, так как далеко не все разделяли ленинские расчёты, опасаясь, что свободная торговля станет возвратом к капитализму. На местах признавали «только те декреты, которые им нравятся»³, а местные партийные бонзы связывали реабилитацию рыночных отношений с вопросом: «Кто кого» [17, с. 5].

Сначала Ленин и его единомышленники считали нэп «временным отступлением», тактическим манёвром в ожидании мировой революции. Характерно, что от решения X съезда РКП(б) о замене продразвёрстки продналогом до возрождения рыночного механизма прошло около года. Ни резолюция X съезда РКП(б) «О замене развёрстки натуральным налогом», ни декреты ВЦИК о замене продразвёрстки продналогом и о размере продналога на 1922 г. не содержали даже приблизительных намёток аграрной политики, не говоря уже об экономической политике в целом. Директивы X съезда, как и работы Ленина мая 1921 г., намечали восстановить крупную промышленность с помощью контролируемого товарообмена⁴. Именно с этим было связано расширение с мая этого же года сферы деятельности посевкомов, в июне были переведённых в подчинение СТО.

К осени 1921 г. стало ясно, что произведённых уступок недостаточно, так как крестьяне на рынках отказывались от товарообмена, требуя плату за про-

¹ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 4. М.: Терра, 1990. С. 14.

² Коммунист. 1988. № 2. С. 65.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 130. Оп. 4. Д. 240. Л. 32–33.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 333–335; Т. 44. С. 207.

дукты деньгами. Поэтому «Наказ СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики» от 9 августа 1921 г. содержал рекомендации не ограничиваться рамками местного оборота, а «переходить, где это возможно и выгодно, к денежной форме обмена»¹. 17 октября 1921 г., выступая с докладом на II Всероссийском съезде политпросветов, Ленин признал, что ради выживания Республики надо дать возможность развиваться капитализму². Тем не менее, 23 декабря 1921 г., выступая с докладом «О внутренней и внешней политике республики» на IX Всероссийском съезде Советов, Ленин в очередной раз отметил, что нэп «мы проводим всерьёз и надолго, но, конечно, как правильно уже замечено, не навсегда»³.

Ленин понимал опасность возрождения капитализма для советской власти, но исходил из того, что меру допущения рыночных отношений устанавливала сама власть, сохранившая в своих руках т. н. командные высоты экономики. В силу этого он постепенно отказался от взгляда на нэп как кратковременное тактическое отступление и стал рассматривать его как магистральный путь к социализму. В марте 1922 г. он пришёл к убеждению, что «экономически и политически нэп вполне обеспечит нам возможность постройки фундамента социалистической экономики», что «из России нэповской будет Россия социалистическая»⁴. Одновременно, убеждённый в том, что новая экономическая политика «является достаточно и ясно установленной»⁵, Ленин на XI съезде партии выступил с важным политическим заявлением о прекращении отступления и выдвинул задачу подготовки наступления на частный капитал. Резолюция XII съезда партии (апрель 1923 г.) «О промышленности» уточняла,

что переход к нэпу не вносит принципиальных изменений в соотношение функций собственника средств производства и хозяйствующего субъекта в лице пролетарского государства⁶.

Нэп не был переходом от коммунизма к капитализму, от политики обобществления и государственного регулирования к рыночной экономике. Он, скорее, был легитимным опытом рыночных реформ в условиях специфической советской системы, одной из тенденций в политике и одним из элементов в экономике. По своим целям нэп представлял собой антикризисную модель, призванную, в первую очередь, снять политическое и социальное напряжение в стране. Сохранение «командных высот» в экономике, по замыслу «архитекторов» нэпа, позволяло использовать опыт рыночного хозяйства с минимальными для власти политическими и социальными издержками. Но на пересечении процесса возрождения рыночных отношений и активного, но малокомпетентного вмешательства партийно-государственного руководства во все сферы жизни общества рождалась вереница новых кризисов. Например, острая потребность в оборотном капитале (прежде всего, на зарплату рабочим), породила в конце 1921 г. – начале 1922 г. острый финансовый кризис. «Период разбазаривания промышленности» характеризовался выходом трестов на рынок с палатками розничной торговли. В итоге госпромышленность положила в карман частного посредника только за первый год нэпа, по разным оценкам, от 150 до 300 млн. зол. рублей [18, с. 190]. Только в феврале 1923 г. государственным организациям было запрещено заключать сделки между собой с использованием частных посредников.

Сформировалась многоукладная и неустойчивая экономическая структура, породившая несколько серьёзных эко-

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 247.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 156–169.

³ Там же. С. 310–311.

⁴ Там же. С. 60, 77–78, 213.

⁵ Там же. С. 356.

⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М.: Политиздат, 1984. С. 61, 63.

номических и финансовых кризисов. В свою очередь, «кризисная модель» стимулировала расширение административных методов управления, особенно в отношении «командных высот». Находясь на острие внутрипартийной борьбы, проблема кризисов постепенно политизировалась и приобретала идеологическую окраску. В свою очередь, принимаемые меры по преодолению очередного кризиса способствовали дальнейшему сужению нэповских свобод и параллельному формированию административно-мобилизационной системы.

В нэпе было много пережитков военного коммунизма: сохраняющийся до 1924 г. натуральный налог; огосударствление кооперации; децентрализация управления промышленностью только на уровне трестовского хозрасчёта и пр. Отсутствовал рыночный механизм во взаимоотношениях между тяжёлой и лёгкой промышленностью, тяжёлая индустрия работала на госзаказах и дотациях. В основу *хозяйственной модели* восстановительного периода была положена практически полностью огосударствленная промышленность, система управления которой была рассчитана, прежде всего, на выполнение политических команд власти. Незыблемыми оставались принципы диктатуры пролетариата и «ведущей роли» рабочего класса, а рыночные механизмы с самого начала были «инфицированы» вирусами командного управления экономикой¹. Попытка выработать основанную на оптимальном сочетании государственной и частной собственности модель экономики на практике наткнулась на сильные колебания политики советской власти и дифференциацию подходов к разным секторам экономики. Своеобразие экономики заключалось не столько в борьбе плана и рынка, сколько в том, что в этот период не сложились ни рыночные, ни плановые механизмы регулирования. В этих условиях широко-

масштабное вмешательство государства носило характер прямого администрирования, что и рождало острые противоречия [19, с. 101].

Допустив многообразие форм деятельности и собственности в экономике, правящая партия пыталась компенсировать это в политической сфере. Программа РКП(б) не была пересмотрена при переходе к нэпу, а работа по обобщению опыта формирования основ нового хозяйственного механизма контролировалась специальной комиссией ЦК РКП(б) и СНК под председательством Л. Б. Каменева. В литературе выделяются несколько точек «доктринального напряжения» (весна и осень 1921 г., весна 1922 г., осень 1924 г., весна и зима 1925 г.), когда господствующие представления о модели политического действия входили в противоречие с реальностью и нуждались в развитии доктрины [43, с. 19]. Но не всегда из этого следовали адекватные выводы.

Логику нэпа невозможно понять без учёта доминирующего фактора партийного руководства в различных сферах жизни общества. Интерес сохранения и укрепления власти был определяющим на всём протяжении указанного периода, ограничивая преобразования идеологическими рамками «переходного периода к социализму» и «строительства социализма в одной стране». Времени и возможности для подготовки и проведения глубоких стратегических перемен не оставляла и развернувшаяся внутрипартийная борьба. Следует признать, что у партийного руководства отсутствовала цельная концепция нэпа. При выработке стратегии и тактики новой экономической политики доминировали настроения реванша. Управленческая схема была довольно простой: решения Политбюро превращались правительством в государственные акты, автоматически одобрявшиеся ВЦИК / ЦИК СССР.

¹ Советская товарная биржа: 20-е годы. Документы и материалы. М.: Дело, 1992. С. 6.

На пути к структурному кризису

Задумка нэпа как ограниченной по времени и специфической по методам программы выхода из тотального кризиса 1920–1921 гг. во многом определила серьёзный структурный кризис, ставший неотъемлемой частью нэповской реальности. Кроме того, мы имеем дело с кризисом пространственного развития новой экономической политики. Если для Центральной России нэп означал допущение свободы хозяйственной деятельности и частного капитала после эпохи военного коммунизма, то в Сибири и на Дальнем Востоке переход к нэпу был попыткой поставить рыночную стихию под партийно-государственный контроль. Впрочем, центральные губернии демонстрировали не менее пеструю и противоречивую картину. Например, в Пензенской губернии отсутствие стратегически важного для государства производства способствовало широкому развитию практически всех форм предпринимательства, особенно кустарного производства, где роль частного колебалась от 50% в рогожном промысле до 91% в пуховязальном [35, с. 2, 15–16]. В Туле созданию обширного слоя кустарей способствовала незначительность земельного надела: кустарная промышленность давала подсобный заработок для пригородного крестьянства [34]. В Якутии в первой половине 1920-х гг. общая хозяйственная неразвитость усугублялась почти полным отсутствием промышленности и денежного обращения [44, с. 3].

Одним из наиболее деструктивных факторов, определявших перманентную кризисность нэповской модели, было сохранение очагов Гражданской войны: до конца 1922 г. военное положение сохранялось в 39 губерниях и автономных республиках РСФСР. Непоследовательность и силовые способы проведения нэповских преобразований вызвали весной-осенью 1921 г. волну массовых казачьих и крестьянских восстаний на Северном Кавка-

зе и в Сибири, где крестьянство смирилось с методами нэпа лишь к концу 1923 г. В Горской республике вооружённая борьба велась до мая 1924 г. В Саратовской, Самарской и Ульяновской губерниях крестьянские военно-политические формирования были ликвидированы в 1922 г., но борьба с отдельными отрядами продолжалась до 1925 г. Антисоветское движение в Якутии также было подавлено к осени 1922 г.¹, но последние повстанческие движения были разгромлены только к началу 1926 г. На Дальнем Востоке антисоветские вооружённые формирования продолжали борьбу до 1925 г. [46, с. 24, 26, 30–31, 35–37].

Негативное влияние на процесс формирования новой экономической политики оказали голод 1921–1922 гг. и его последствия. В регионах, охваченных голодом, речь шла об элементарном выживании, а в других районах голодная конъюнктура искривляла нэповские преобразования до неузнаваемости.

Одним из ведущих факторов медленного и противоречивого процесса формирования рынка стала политика советского государства, что определяло ограниченность сферы действия рыночных механизмов в экономической модели 1920-х гг. [23, с. 5; 26, с. 22, 29]. При довольно тесной связи укладов речь шла о сосуществовании нескольких рынков, через которые шло распределение товарной продукции – государственной, кооперативной и частной торговли. Товарно-денежный оборот также складывался из нескольких потоков – государственного планового, государственного товарного, частного потребительского и частного капиталистического. Несмотря на наличие бирж труда, на практике шло формирование государственной системы найма. Созданная в мае 1922 г. при СТО Комиссия по внутренней торговле подменила ценовое регулирование установлением предельных торговых накидок и твёрдых

¹ Автономное строительство. Якутск, 1923. № 1. С. 1, 11.

цен. К осени 1922 г. регулирование цен осуществлялось по всему спектру потребительских товаров, а с осени 1923 г. власти перешли к прямому установлению цен [43, с. 8–10]. Не удивительно, что для рынка периода нэпа было характерно: отсутствие достаточных товарных запасов; разрушение транспортной, складской и торговой сети; нарушение свободного обращения между внутренним и внешним рынками [16; 20; 21].

Государственная промышленность не справлялась с задачей формирования собственного рынка путём вовлечения в него других укладов. Трестовский хозрасчёт имел весьма ограниченный характер, так как тресты не имели частного интереса и имущественной ответственности, переложенной на плечи государства. Но главная проблема трестирования заключалась в том, что тресты представляли собой случайное объединение национализированных предприятий, сгруппированных по территориальному и производственному признакам под управлением органов, возникших ещё в годы военного коммунизма [33, с. 108].

Основная часть промышленной продукции потреблялась в самом государственном секторе, тогда как деревня удовлетворяла свои потребности с помощью крупной индустрии лишь на треть. Впрочем, единое рыночное пространство не сложилось и для крестьянского хозяйства. Особенно неблагоприятно на рыночные связи влияли неравноправные отношения с государством: деревня служила донором для городской индустрии.

Противоречивая структура рынка способствовала тому, что к концу 1923 г. он стал играть дестабилизирующую роль, что подтолкнуло государство к форсированному вмешательству в экономику. К концу 1923 г. нэповская система в общих чертах сложилась, поэтому т. н. «кризис сбыта» проявился как системный. Трудности сбыта коснулись в большей степени сельскохозяйственных машин и инвентаря. Но так как главной проблемой

того времени была «смычка» города и деревни, то кризис стал оцениваться как «кризис сбыта»¹. Но наблюдалось два явления. С одной стороны, «кризис сбыта», который определялся не только снижением покупательной способности деревни, но предпочтением более дешёвой продукции кустарно-ремесленной промышленности. С другой стороны, товарный голод, во многом связанный с несовершенством и просчётами торгового аппарата. Негативную роль сыграло резкое (в 3 с лишним раза) сокращение с сентября 1923 г. банковских кредитов². В итоге в октябре–ноябре торговая депрессия охватила все регионы (особенно центральные, северные и восточные) и все группы товаров, наиболее остро проявившись на рынке промтоваров.

В основе кризиса лежали причины как структурного характера (отсутствие нормальных связей с мировым рынком и резкий разрыв между городом и деревней), так и субъективного порядка (промахи руководства партии, занятого борьбой за власть). Так как в основу антикризисной программы было положено узкое понимание кризиса как «кризиса сбыта», это определило курс на ликвидацию «заминок» в быте любой ценой. Борьба за «овладение рынком» опиралась, главным образом, на политику низких промышленных цен, чтобы выдавить частника с крестьянского рынка. Но снижение отпускных цен промышленности почти не доходило до потребителя: происходила перекачка средств из промышленности в торговлю. Использование методов «военного маневрирования» (завоз промышленных товаров в сельские магазины к моменту сбора урожая) привело к возникновению дефицита товаров в сырьевых районах Нечерноземья и в крупных городах. Да и тресты находили способы обходить декреты о снижении цен путём ухудшения качества продукции, сокра-

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 1. Д. 4984. Л. 24.

² Там же. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 4984. Л. 33.

щения производства ходовых товаров, на которые распространялась политика нормированных цен, и расширения производства неходовых. В этом плане именно «кризис сбыта» осени 1923 г. стал начальной точкой отхода от нэповских принципов.

Хотя денежная реформа 1922–1924 гг. в стратегическом плане была успешной [41, с. 111], но вывод совзнака из обращения начался в условиях дефицита бюджета и неблагоприятной хозяйственной конъюнктуры. Спорна бездефицитность бюджета 1924/1925 хоз. года, который покрывался кредитными операциями (госзаймами, вкладами населения и общественных организаций в сберкассы, фондами государственного имущества и личного страхования и т. п.). Уже осенью 1924 г. покупательная способность червонца снизилась в связи с неурожаем, увеличившим затраты на импорт продовольствия, и идущим с весны наступлением на частную торговлю. Состояние денежного рынка стало нарушаться с мая 1925 г., чему способствовали рост цен на сельхозпродукты и не обеспеченные ресурсами планы промышленного развития 1925 г. Но главная причина скрывалась в специфике созданной в ходе реформы кредитно-денежной системы, сочетавшей традиционные черты мировой денежной системы (конвертируемость валюты, поддержание валютного паритета и пр.) с чертами, присущими советскому хозяйству (планирование обращения и кредита, монополия внешней торговли, централизованное ценообразование и т. п.).

Кризис 1925 г. удалось преодолеть только за счёт замораживания практически всего нового строительства, сокращения золотовалютных резервов, роста косвенных налогов и продажи вино-водочной продукции. Кризис 1925 г. выявил и ряд других проблем, препятствовавших осуществлению планов индустриализации. Финансово-производственные программы верстались нередко

в соответствии не с производственными возможностями, а с наличными заказами. Срыв плановых заданий на одном участке вёл к лавине срывов по всей индустриальной сфере.

Превращения многоукладной экономики в смешанную не произошло из-за усиления государственного вмешательства. Государственное регулирование всё больше охватывало процессы заготовки сырья, условия производства и продажи промышленной продукции в общественном, кооперативном и частном секторах экономики. Расчёты советского правительства на создание барьера развитию частнохозяйственной активности с помощью «командных высот» не оправдались. То есть нэповская политика дала результаты диаметрально противоположные тем, которые планировались её конструкторами и проводниками. Например, акционерные общества, которые первоначально были рассчитаны на привлечение частного капитала, уже к концу 1925 г. представляли собой преимущественно объединения государственного, кооперативного или смешанного капитала. Крестьяне даже в кооперации видели отросток государственного аппарата, которому чужды рациональные мотивы экономического поведения. Судя по письмам, идеи «кооперативного социализма» вряд ли широко владели крестьянскими умами: «... современная кооперация будет плохим фундаментом для социализма», – писал в 1926 г. М. Калинину крестьянин Ярославской губернии Н. Пастухов¹.

Несмотря на все попытки реорганизации «командных высот», проблема качества выпускаемой продукции оставалась крайне острой. Рельсы, из которых треть не проходила испытания; железобетон, выдерживающий напряжение на 30% меньше нормы; галоши, которые носят два месяца, – такими характеристиками изделий отечественной промышленности пестрели страницы советской прес-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1235. Оп. 61. Д. 223. Л. 3–4 об.

сы [38, с. 376]. По подсчётам английского инженера, в 1924 г. используемый на строительстве завода в Нижнем Новгороде стальной прокат местного производства обошёлся бы в два раза дешевле (даже с учётом транспортных издержек) при поставках из Великобритании [42, с. 79]. Почти полностью прекратился импорт капиталов, были утеряны и традиционные рынки российского экспорта [11, с. 21; 15, с. 315; 29, с. 159].

Хозяйственные успехи 1926/1927 хоз. года не могут быть доказательством эффективности реконструкции народного хозяйства на базе нэпа. Эти успехи были итогом использования последних резервов восстановительного периода (прежде всего, возможностей эффективной загрузки имевшегося основного капитала) [8, с. 35]. При сохранении дореволюционной структуры экономики усилилась и межотраслевая диспропорциональность [14, с. 64].

Нэп versus мобилизационная экономика

В 1927 г. был достигнут потолок в извлечении средств обычными способами. Начавшиеся работы по новому строительству были плохо подготовлены: не хватало строительных материалов и машин, инженеров и рабочей силы. Реформа в сфере госпромышленности не завершилась до конца и тем более не сформировала рыночный хозяйственный механизм. Борьба за рентабельность производства сопровождалась построением механизма перекачки средств в тяжёлую промышленность под флагом «первоначального социалистического накопления».

Восстановительный рост обеспечивал воссоздание промышленных мощностей лишь на техническом уровне начала XX в. Овладение новыми технологиями требовало строительства промышленного строительства. К 1927 г. износ оборудования в промышленности составлял около 40% [37, с. 370]. В 1926–1928 гг. Советский Союз удовлетворял потребно-

сти в металлорежущих, металлодавящих станках и паровых турбинах на 60–90% за счёт импорта. В 1927 г. добыча нефти в СССР превзошла уровень 1913 г. в значительной степени за счёт использования американских технологий: бурения скважин с помощью вращающегося бура, применения «глубоких насосов» и установок для улавливания естественного нефтяного газа и переработки его на бензин [42, с. 33–35, 67]. Но даже в 1928 г. из-за небольших объёмов экспорта СССР смог ввезти лишь половину импорта оборудования дореволюционной России. Даже в 1929 г. основным источником алюминия для советских авиазаводов были либо импортные поставки, либо раскопки на заводских свалках [25, с. 144].

Поэтому необходимость индустриализации никем в руководстве СССР не оспаривалась. Споры шли по поводу того, в какие сроки и в каких формах индустриализацию следует осуществлять [1, с. 80–88; 9, с. 46–48; 45]. Ситуация осложнилась в связи «военной тревогой» 1927 г. Вследствие обострения международной обстановки, наученное горьким опытом военного лихолетья население бросилось закупать впрок товары первой необходимости. В результате резервный фонд промтоваров не «дожил» до осенней хлебозаготовительной кампании, а срыв заготовок хлеба ставил под угрозу снабжение городов и армии. К 1928 г. объективно складывалась ситуация экономического застоя и военно-технического бессилия.

Заключение

Исследования последних десятилетий показывают, что экономический и социальный кризис нэпа был более глубоким, чем это представлялось в 1990-е гг., и корни его были гораздо более основательными, чем отступление Сталина от бухаринской политики в 1928–1929 гг. [2, с. 113–114; 4, с. 26; 6, с. 29–30; 7, с. 4; 11, с. 133; 12, с. 4; 22, с. 189; 24, с. 149–152; 27, с. 72, 79; 32, с. 6; 39, с. 23; 43, с. 16]. Если рас-

смагивать 1925–1927 гг. как единый период перерастания экономического кризиса в кризис социально-политический, то правительственные меры 1927 г. в области ценообразования и кредита, рост расходов на оборону и прочее стали логическим завершением нового широкомасштабного наступления как на частника, так и на хозрасчётные права трестов. Но самое главное – то, что власть зимой 1927–1928 гг. нарушила исходный принцип нэпа – формально свободное распоряжение крестьян продуктами своего труда. Очевидно, что отказ от нэпа был вызван как субъективными, так и объективными причинами. Кризис хлебозаготовок зимы 1927–1928 гг. следует рассматривать только как повод для очередного наступления на нэп. С одной стороны, руководство страны не желало (да и было неспособно) прогнозировать дальнейшее развитие нэпа, рассматривая последний в качестве временной меры переходного периода от капитализма к социализму. С другой стороны, нэп быстро из антикризисной модели превратился в постоянно сотрясаемую кризисами экономику. Негативные процессы в экономике (рост хозяйственных диспропорций, инфляции и безработицы, перебои в снабжении, спекуляция и коррупция, прекращение конвертируемости рубля в 1926 г. и пре-

вышение в 1927 г. импорта над экспортом и т. д.), интерпретируемые с идеологических позиций, как бы подтверждали мнение руководства, что рыночная экономика в России неосуществима. То есть падение нэпа в значительной степени являлось результатом социально-политической нестабильности. Но не только. «Военная тревога» 1927 г. положила начало созданию государственного оборонного комплекса как системы государственных мобилизационных органов. В свою очередь, повышенные планы военного ведомства стали одним из решающих факторов давления на цифры первого пятилетнего плана. Курс на создание системы мобилизационной подготовки входил в противоречие с основными установками нэпа. Разворот экономики на рельсы широкомасштабной мобилизационной подготовки подразумевал отказ от экономической стратегии нэпа, ставившей на первый план вопросы прибыльности и рентабельности. Кроме того, вопрос о возможности сохранения нэпа можно считать риторическим с учётом низкой степени способности власти и населения разрешать назревшие противоречия в изначальных условиях нэповских ограничений.

Статья поступила в редакцию 12.02.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллен Р. С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013. 389 с.
2. Бокарев Ю. П. Денежная политика середины 20-х годов и крушение рынка // Нэп: приобретение и потери. М., 1994. С. 113–120.
3. Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М.: Политиздат, 1992. 350 с.
4. Быстрова И. В. Государство и экономика в 1920-е годы: борьба идей и реальность // Отечественная история. 1993. № 3. С. 19–34.
5. Виноградов С. В. Начальный период новой экономической политики: теоретические дискуссии и практические результаты (март–декабрь 1921 г.) // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 2 (30). С. 24–31.
6. Гимпельсон Е. Г. Политическая система и нэп: неадекватность реформ // Отечественная история. 1993. № 2. С. 29–43.
7. Голанд Ю. Кризисы, разрушившие нэп. М.: МНИИПУ, 1991. 94 с.
8. Горинов М. М. Советская страна в конце 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 31–47.

9. Грегори П. Экономическая политика сталинизма. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 398 с.
10. Дегтярев Г. П. Нэп: идеологические тупики реформы // Вестник Российской Академии наук. 1992. № 4. С. 13–27.
11. Дегтярев Г. П. Нэп: идеологические тупики хозяйственной реформы // Нэп: приобретения и потери. М., 1994. С. 126–138.
12. Дмитренко В. П. «Военный коммунизм», нэп... // История СССР. 1990. № 3. С. 3–26.
13. Долгов Л. Н. Нэп: между экономическим прагматизмом и революционным экстремизмом // Очерки по отечественной истории. Комсомольск-на-Амуре, 1993. С. 120–133.
14. Дроздов А. В. Итоги новой экономической политики в современной историографии // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-3 (68). С. 62–67.
15. Дэвис Р. У. Развитие советского общества в 20-е годы и проблема альтернатив // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 311–318.
16. Захарова Н. М. Рынок труда в СССР в годы НЭПа // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 1992. № 2. С. 32–38.
17. Кабаков. К очередным задачам // Авангард. 1925. № 1. С. 5–11.
18. Канторович В. Я. Советские синдикаты. М.: Издательство Наркомторга СССР и РСФСР, 1928. 234 с.
19. Киселев А. Ф., Чураков Д. О. Бюрократия и нэп // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. М., 1993. С. 110–116.
20. Крюкова С. Опыт становления рынка в период нэпа // Вопросы экономики. 1991. № 2. С. 145–152.
21. Лапина С. Н., Лелюхина Н. Д., Федоровская Е. С. Государственная собственность и рынок: опыт нэпа // Нэп: приобретения и потери. М., 1994. С. 98–107.
22. Лелюхина Н. Д. Нэп и его роль в формировании хозяйственного механизма в СССР (за «круглым столом» Института экономики АН СССР) // Новая экономическая политика: уроки хозяйственных реформ : сборник. М., 1989. С. 182–200.
23. Мамонтова Э. А. Социально-экономические аспекты новой экономической политики в деревне Тамбовской губернии 1921–1929 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004. 21 с.
24. Мау В. Реформы и догмы. 1914–1929. М.: Дело, 1993. 254 с.
25. Мухин М. Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М.: Наука, 2006. 320 с.
26. Никулин В. В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921–1929 гг.). СПб.: Нестор, 1997. 194 с.
27. Носова Н. П. Управлять или командовать? Государство и крестьянство советской России (1917–1929). М.: Издательство Московского университета, 1993. 345 с.
28. Оришев А. Б., Тарасенко В. Н. Повседневная жизнь советского человека в эпоху НЭПа: историографический анализ: монография. М.: ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М, 2015. 147 с.
29. Орлов И. Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. М.: Государственный университет гуманитарных наук, 1999. 193 с.
30. Орлов И. Б. НЭП в региональном ракурсе: от усредненных оценок к многообразию // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 33–54.
31. Орлов И. Б. Современная историография нэпа (к вопросу о составлении «исследовательской карты») // Харківський історіографічний збірник. Вип. 13. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. С. 85–96.
32. Предисловие / Н. Я. Петраков, В. Л. Перламутров, Л. Е. Тропаревская, Т. П. Володина // НЭП и хозрасчет. М., 1991. С. 3–26.
33. Пумпянский Л. М. Организация и работа советских трестов // Нэп: взгляд со стороны : сборник / сост. и авт. предисл. В. В. Кудрявцев. М., 1991. С. 107–132.
34. Равич. О кустарной промышленности и кустарях // Авангард. 1925. № 2. С. 44–45.
35. Рассказова Н. В. Предпринимательская деятельность в Пензенской губернии в годы нэпа. 1921–1927 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 21 с.
36. Роголина Н. Л. Новая экономическая политика и крестьянство // Нэп: приобретения и потери: сб. ст. М., 1994. С. 139–149.
37. Роголина Н. Л. Индустриализация в рамках нэпа и перспективы советской модернизации // Экономическая история. Ежегодник. 2006. М., 2006. С. 366–384.

38. Россия неповская / под ред. С. А. Павлюченкова. М.: Новый хронограф, 2002. 446 с.
39. Саначев И. Д. Новая экономическая политика на Дальнем Востоке (1922–1925). Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1993. 180 с.
40. Сенинский А. С. НЭП: современные подходы и перспективы изучения // НЭП: политические, экономические, социокультурные аспекты. М., 2006. С. 5–25.
41. Симонов Н. С. Из опыта финансово-экономической реформы 1922–1924 гг. // Нэп: приобретения и потери. М., 1994. С. 99–113.
42. Худяков П. К. Развитие советской промышленности в первое десятилетие. М.: Государственный политехнический музей, 1928. 124 с.
43. Цакунов С. В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М.: Россия молодая, 1994. 186 с.
44. Широких А. Вопросы совстроительства в Якутии // Автономное строительство. 1923. № 1. С. 2–3.
45. Эрлих А. Дискуссия об индустриализации в СССР (1924–1928). М.: Дело АНХ, 2010. 247 с.
46. Яблочкина И. В. Антигосударственные вооруженные выступления и повстанческие движения в Советской России (1921–1925 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2000. 38 с.

REFERENCES

1. Allen R. S. *Ot fermy k fabrike. Novaya interpretatsiya sovetskoy promyshlennoy revolyutsii* [From farm to factory. New interpretation of the Soviet industrial revolution]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 389 p.
2. Bokarev Yu. P. [Monetary Policy in the Mid-20s and the Market Crash]. In: *Nep: priobreteniya i poteri* [NEP: gains and losses]. Moscow, 1994, pp. 113–120.
3. Bordyugov G. A., Kozlov V. A. *Istoriya i kon'yunktura: Sub'yektivnyye zametki ob istorii sovetskogo obshchestva* [History and business environment: Subjective notes on the history of Soviet society]. Moscow, Politizdat, 1992. 350 p.
4. Bystrova I. V. [State and economy in the 1920s: the struggle of ideas and reality]. In: *Otechestvennaya istoriya* [National history], 1993, no. 3, pp. 19–34.
5. Vinogradov S. V. [The Initial Period of the New Economic Policy: Theoretical Discussions and Practical Results (March – December 1921)]. In: *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Kalmyk University Bulletin], 2016, no. 2 (30), pp. 24–31.
6. Gimpel'son Ye. G. [Political System and NEP: Inadequacy of Reforms]. In: *Otechestvennaya istoriya* [National history], 1993, on. 2, pp. 29–43.
7. Goland Yu. *Krizisy, razrushivshiye nep* [Crises that destroyed NEP]. Moscow, International Research Institute for Management Problems Publ., 1991. 94 p.
8. Gorinov M. M. [Soviet country in the late 20^s – early 30^s]. In: *Voprosy istorii* [Voprosy istorii], 1990, no. 11, pp. 31–47.
9. Gregori P. *Ekonomicheskaya politika stalinizma* [Economic policy of Stalinism]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 398 p.
10. Degtyarev G. P. [NEP: ideological dead ends of reform]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 1992, no. 4, pp. 13–27.
11. Degtyarev G.P. [NEP: ideological dead ends of economic reform]. In: *Nep: priobreteniya i poteri* [NEP: gains and losses]. Moscow, 1994, pp. 126–138.
12. Dmitrenko V.P. ["War communism", NEP ...]. In: *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1990, no. 3, pp. 3–26.
13. Dolgov L. N. [NEP: Between Economic Pragmatism and Revolutionary Extremism]. In: *Ocherki po otechestvennoy istorii* [Essays on Russian history]. Komsomol'sk-na-Amure, 1993, pp. 120–133.
14. Drozdov A. V. [The results of the new economic policy in modern historiography]. In: *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Altai State University], 2010, no. 4-3 (68), pp. 62–67.
15. Devis R. U. [The development of Soviet society in the 20s and the problem of alternatives]. In: *Rossiya v XX veke: Istoriki mira sporyat* [Russia in the XX century: Historians of the world argue]. Moscow, 1994. pp. 311–318.
16. Zakharova N. M. [Labor market in the USSR during the NEP years]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika* [Moscow University Bulletin. Episode 6: Economics], 1992, no. 2, pp. 32–38.

17. Kabakov. [To the next tasks]. In: *Avangard*. Tula, 1925, no. 1, pp. 5–11.
18. Kantorovich V. Ya. *Sovetskiye sindikaty* [Soviet syndicates]. Moscow, Publishing House of the People's Commissariat of Trade of the USSR and the RSFSR, 1928. 234 p.
19. Kiselev A. F., Churakov D. O. [Bureaucracy and NEP]. In: *Vlast' i obshchestvennyye organizatsii v Rossii v pervoy tretyi XX stoletiya* [Power and public organizations in Russia in the first third of the twentieth century]. Moscow, 1993, pp. 110–116.
20. Kryukova S. [The market formation the during the NEP period]. In: *Voprosy ekonomiki* [Voprosy ekonomiky], 1991, no. 2, pp. 145–152.
21. Lapina S. N., Lelyukhina N. D., Fedorovskaya Ye. S. [State property and the market: the results of the NEP]. In: *Nep: priobreteniya i poteri* [NEP: gains and losses]. Moscow, 1994, pp. 98–107.
22. Lelyukhina N. D. [NEP and its role in the formation of the economic mechanism in the USSR (at the “round table” of the Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences)]. In: *Novaya ekonomicheskaya politika: uroki khozyaystvennykh reform : sbornik* [New Economic Policy: Lessons from Economic Reforms: Collection]. Moscow, 1989, pp. 182–200.
23. Mamontova E. A. *Sotsial'no-ekonomicheskiye aspekty novoy ekonomicheskoy politiki v derevne Tambovskoy gubernii 1921–1929 gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Socio-economic aspects of the new economic policy in the village of Tambov province 1921–1929: abstract of PhD thesis in Historical sciences]. Voronezh, 2004. 21 p.
24. Mau V. *Reformy i dogmy. 1914–1929* [Reforms and dogmas. 1914–1929]. Moscow, Delo, 1993. 254 p.
25. Mukhin M. Yu. *Aviapromyshlennost' SSSR v 1921–1941 gg.* [The aircraft industry of the USSR in 1921–1941]. Moscow, Nauka, 2006. 320 p.
26. Nikulin V. V. *Vlast' i obshchestvo v 20-e gody. Politicheskiy rezhim v period nepa. Stanovleniye i funktsionirovaniye (1921–1929 gg.)* [Power and society in the 20^s. Political regime during the NEP period. Formation and functioning (1921–1929)]. St. Petersburg, Nestor, 1997. 194 p.
27. Nosova N.P. *Upravlyat' ili komandovat'? Gosudarstvo i krest'yanstvo sovetskoy Rossii (1917–1929)* [To control or to command? State and peasantry of Soviet Russia (1917–1929)]. Moscow, Moscow University Publishing House, 1993. 345 p.
28. Orishev A. B., Tarasenko V. N. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo cheloveka v epokhu NEPa: istoriograficheskiy analiz* [Everyday life of Soviet people during the NEP era: a historiographic analysis]. Moscow, 2015. 147 p.
29. Orlov I. B. *Novaya ekonomicheskaya politika: istoriya, opyt, problem* [New Economic Policy: History, Experience, Problems]. Moscow, State University for the Humanities, 1999. 193 p.
30. Orlov I. B. [NEP in a Regional Perspective: From Average Estimates to Diversity]. In: *NEP: ekonomicheskiye, politicheskiye i sotsiokul'turnyye aspekty* [NEP: economic, political and sociocultural aspects]. Moscow, 2006, pp. 33–54.
31. Orlov I. B. [Modern historiography of NEP (drawing up a “research map”)]. In: *Харківський історіографічний збірник. Вип. 13. X.: ХНУ імені В.Г. Каразіна*, 2014, pp. 85–96.
32. Petrakov N. Ya., Perlamutrov V. L., Troparevskaya L. Ye., Volodina T. P. Foreword to the book: *Nep i khozraschet* [NEP and self-financing]. Moscow, 1991, pp. 3–26.
33. Pumpyanskiy L. M. [Organization and operation of Soviet trusts]. In: Kudryavtsev V. V., ed. *Nep: vzglyad so storony: sbornik* [NEP: a view from the outside: a collection]. Moscow, 1991, pp. 107–132.
34. Ravich. [About the handicraft industry and artisans]. *Avangard*. Tula, 1925, no. 2, pp. 44–45.
35. Rasskazova N. V. *Predprinimatel'skaya deyatel'nost' v Penzenskoy gubernii v gody nepa. 1921–1927 gg. : avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Entrepreneurial activity in the Penza province during the NEP years. 1921–1927 : abstract of PhD thesis in Historical sciences]. Moscow, 2000. 21 p.
36. Rogalina N. L. [New Economic Policy and the Peasantry]. *Nep: priobreteniya i poteri : sbornik statei* [NEP: acquisitions and losses collection of articles]. Moscow, 1994, pp. 139–149.
37. Rogalina N. L. [Industrialization within the framework of the NEP and the prospects for Soviet modernization]. In: *Ekonomicheskaya istoriya. Yezhegodnik* [Economic history. Yearbook], Moscow, 2006, pp. 366–384.
38. Pavlyuchenkov S.A., ed. *Rossiya nepovskaya*. [NEP Russia] Moscow, *Novyy khronograf* Publ., 2002. 446 p.
39. Sanachev I. D. *Novaya ekonomicheskaya politika na Dal'nem Vostoke (1922–1925)* [New economic policy in the Far East (1922–1925)]. Vladivostok, Far Eastern University Publishing House Publ., 1993. 180 p.

40. Senyavskiy A. S. [NEP: modern approaches and perspectives of study]. In: *NEP: politicheskiye, ekonomicheskiye, sotsiokul'turnyye aspekty* [NEP: political, economic, sociocultural aspects]. Moscow, 2006, pp. 5–25.
41. Simonov N. S. [From the experience of the financial and economic reform of 1922–1924]. In: *Nep: priobreteniya i poteri* [NEP: gains and losses]. Moscow, 1994, pp. 99–113.
42. Khudyakov P. K. *Razvitiye sovetskoy promyshlennosti v pervoye desyatiletiye* [Development of Soviet industry in the first decade]. Moscow, State Polytechnic Museum, 1928. 124 p.
43. Tsakunov S. V. *V labirinte doktriny. Iz opyta razrabotki ekonomicheskogo kursa strany v 1920-e gody* [In the labyrinth of doctrine. From the experience of developing the country's economic course in the 1920s]. Moscow, Rossiya molodaya, 1994. 186 p.
44. Shirokikh A. [Issues of the sovstroitel'stvo in Yakutia]. In: *Avtonomnoye stroitel'stvo* [Autonomous construction], 1923, no. 1, pp. 2–3.
45. Erlikh A. *Diskussiya ob industrializatsii v SSSR (1924–1928)* [Discussion about industrialization in the USSR (1924–1928)]. Moscow, Delo ANH Publ., 2010. 247 p.
46. Yablochkina I. V. *Antigosudarstvennyye vooruzhennyye vystupleniya i povstancheskiye dvizheniya v Sovetskoy Rossii (1921–1925 gg.) : avtoref. diss. ... dokt. ist. nauk* [Anti-state armed uprisings and insurgencies in Soviet Russia (1921–1925) : abstract of D. thesis in Historical sciences]. Moscow, 2000. 38 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Орлов Игорь Борисович – доктор исторических наук, профессор, департамент политики и управления факультета социальных наук Высшей школы экономики;
e-mail: IOrlov@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor B. Orlov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Politics and Management, Faculty of Social Sciences, Higher School of Economics;
e-mail: IOrlov@hse.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Орлов И. Б. Нэп как антикризисная политика // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 9–22.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-9-22

FOR CITATION

Orlov I. B. NEP as an anti-crisis policy. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political sciences*, 2021, no. 2, pp. 9–22.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-9-22